

С. [=Смирнов С. И.] [Рец. на:] *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его поучение: Ч. 1. Поучение детям; Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901 // Богословский вестник 1901. Т. 3. № 10. С. 393–396 (2-я пагин.).

БИБЛЮГРАФІА.

И. М. Ивакинъ. Князь Владиміръ Мономахъ и его поученіе. — Часть I. Поученіе дѣтямъ, Письмо къ Олегу и отрывки. Москва, 1901.

Русская историческая наука находится въ настоящее время въ такомъ состояніи, что всесторонне-спеціальное изученіе ея древнѣйшихъ источниковъ является настоятельною потребностью. Предпринятое Академіей Наукъ полное изданіе древнѣйшихъ русскихъ авторовъ (съ XI до нач. XV в.) безъ сомнѣнія поможетъ удовлетворенію этой научной потребности, оживитъ дѣло историко-литературнаго изслѣдованія. Обслѣдованіе памятниковъ древней русской письменности со стороны ихъ языка, литературныхъ источниковъ, историческаго и бытоваго матеріала увеличить цѣнность каждаго изъ нихъ для цѣлага ряда наукъ, занимающихся роднымъ прошлымъ. Но разумѣется, нисколько не лишни работы въ этомъ родѣ и частныхъ лицъ: настоящее изслѣдованіе г. Ивакина и своевременно и желательно.

„Бумаги Мономаховы“,— какъ называетъ Карамзинъ все литературное наслѣдіе послѣ знаменитаго князя — вполне заслуживаютъ спеціальнаго изученія. Поученіе или „грамотица“ дѣтямъ важный источникъ не только для изученія личности Мономаха, но и для исторіи Руси конца XI нач. XII стол.; посланіе Олегу единственный въ своемъ родѣ памятникъ, вскрывающій интимную сторону между-княжескихъ отношеній; и то и другое проникнуты религіозно-учительнымъ элементомъ и неразрывно соединены съ цѣлымъ ря-

домъ выписокъ изъ книгъ священнаго писанія — главнымъ образомъ изъ псалтири—изъ богослужебныхъ книгъ и изъ церковно-учительныхъ сборниковъ. Помимо важности содержания и древности своей бумаги Мономаха требуютъ изслѣдованія и потому, что сохранились въ спискѣ неисправномъ и содержатъ много трудностей для пониманія. Единственный ихъ списокъ въ лѣтописи Лаврентіевской (кон. XIV в.), куда онѣ попали, какъ механическая вставка. Г. Ивакинъ предполагаетъ, что въ томъ оригиналѣ, съ котораго монахъ Лаврентій списывалъ свою лѣтопись, бумаги Мономаха были просто вложены отдѣльной тетрадю, вложены подъ тотъ самый годъ (1096), о событіяхъ котораго говорится въ письмѣ къ Олегу. Въ такомъ видѣ онѣ попали и въ копію. Разныя части этихъ бумагъ писаны въ разное время: письмо къ Олегу, по предположенію автора, появилось въ декабрѣ или январѣ 1096 года, поученіе дѣтямъ въ періодъ между 1118—1125 годами; опредѣлить же время составленія выписокъ нѣтъ возможности.

Книга г. Ивакина содержитъ Введеніе (1—36 стр.), гдѣ изложены предварительныя свѣдѣнія о памятникахъ,—точное изданіе ихъ съ гадательными поправками текста (36—48 стр.), обширныя примѣчанія (49—317) и въ приложеніяхъ нѣсколько поученій дѣтямъ, сохранившихся въ древнерусской письменности. Главнѣйшую часть труда несомнѣнно составляютъ примѣчанія. Изслѣдователь старался свести въ нихъ все, что прямо или косвенно относится къ изучаемому памятнику: критика текста, грамматическій разборъ, филологическія соображенія, литературныя параллели, историческія примѣчанія, которыя иногда разрастаются въ цѣлыя очерки, какъ напримѣръ очеркъ о супругѣ князя Владимира Мономаха Гитѣ, дочери англійскаго короля Гарольда, занимающій ровно 50 страницъ (207—257) — все это авторъ соединилъ въ примѣчаніяхъ. Раздѣливъ текстъ условно на стихи и обозначивъ ихъ цифрами, авторъ располагаетъ свои примѣчанія въ порядкѣ текста—стихъ за стихомъ, фраза за фразой, а иногда и слово за словомъ. Противъ такого плана мы должны сказать нѣчто. Онъ неудобенъ и для читателя и для самого изслѣдователя. Нѣтъ никакой возможности сдѣлать общіе выводы, прочитавъ около 300 страницъ примѣчаній г. Ивакина, потому что, говоря описательно, предъ

читателемъ прошла куча неупорядоченнаго матеріала. Онъ видѣлъ рядъ дѣльныхъ замѣчаній о языкѣ даннаго памятника при разборѣ разныхъ его частей, запомнилъ указанія на литературныя источники, изъ которыхъ черпалъ князь-писатель. Но какія же спеціальныя особенности носятъ труды Мономаха со стороны языка, въ какой степени начитанъ былъ этотъ князь въ тогдашней письменности, объ этомъ читатель не знаетъ, потому что въ книгѣ нигдѣ не сведены, не сгруппированы разсыпанныя замѣчанія по этимъ двумъ отдѣламъ. Видимо самъ авторъ былъ подавленъ матеріаломъ и разбросался въ немъ, если не сдѣлалъ итоговъ своихъ собственныхъ изысканій. Отъ этого книга, представляющая многолѣтній трудъ автора (см. предисловіе), производитъ впечатлѣніе незаконченнаго, являясь какъ бы въ стадіи подготовки собраннаго матеріала для всесторонняго изслѣдованія. Еслибы г. Ивакинъ изложилъ свои примѣчанія, разграничивъ ихъ примѣрно на три отдѣла — филологическій, литературный и историческій—его выводы были бы цѣльны и изслѣдованіе болѣе цѣнно.

Надо отдать справедливость трудолюбію автора: въ его примѣчаніяхъ очень много важныхъ данныхъ для истолкованія трудовъ Мономаха, удачныхъ соображеній и сопоставленій. Нѣкоторыя его примѣчанія являются малыми трактатами, для которыхъ изслѣдователь усердно и по возможности все собралъ изъ древней письменности. Отмѣтимъ какъ выдающіяся его примѣчанія объ обычаяхъ древнерусскихъ князей носить нѣсколько пменъ (два или три,—стр. 49—57), о школьномъ и домашнемъ употребленіи псалтири въ древней Руси (стр. 11—12, 312), о предсмертномъ постриженіи древнерусскихъ князей (99—101 стр.). Прекрасно составленъ упомянутый выше очеркъ о супругѣ Мономаха княгинѣ Гитѣ по трудамъ Фримана (Исторія норманскаго завоеванія) и Тьерри (Завоеваніе Англій норманами). Но мы должны указать и нѣкоторые недочеты въ отдѣлѣ примѣчаній. Комментируя слова Поученія: „вземъ псалтырю въ печали, разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая; и потомъ собрахъ словца си любая и складохъ по ряду и написахъ“,—комментируя приведенныя слова, г. Ивакинъ касается древнерусскаго, а вмѣстѣ и древнецерковнаго, обычая гадать въ трудныхъ случаяхъ

жизни по псалтири, при чемъ затрудняется дать объясненіе послѣдней фразѣ (стр. 79—86). Очень жаль, что онъ не знакомъ съ недавно вышедшимъ и единственнымъ у насъ по этому вопросу изслѣдованіемъ профессора Сперанскаго, въ которомъ дается обстоятельный комментарий и къ словамъ Мономаха. Не отличаются обстоятельностью его замѣчанія: на слова „сквозъ вятичѣ“, о гривнѣ золота, о тунѣ (стр. 144, 162—166, 128—129); слишкомъ мало указано изъ древне-русской письменности данныхъ о милосердіи къ бѣднымъ (стр. 117). Авторъ любитъ объяснять, всѣмъ понятныя и не нуждающіяся въ толкованіи, выраженія: „не лѣнитесь“, „не дайте“, „больного присѣдите“, „дома сѣдя“, „Богъ ны поможе“, „не зазрите“ и подобныя (стр. 114, 134—135, 138, 178, 284),—и въ тоже время оставляетъ безъ толкованія выраженія не совсемъ понятныя: „придавайте сиротѣ“ (слово „сирота“ въ древнемъ языкѣ значило больше, чѣмъ теперь—лишившійся родителей и рабъ, чего авторъ не указываетъ), „желѣючи“ („желѣть“—плакать по мертвомъ, чему можно бы указать не мало параллелей) и другія. Но эти недочеты мы не признаемъ значительными. Они искупаются съ излишкомъ достоинствами труда.

Мы не можемъ судить насколько новы, цѣнны и безспорны въ научномъ смыслѣ примѣчанія автора касающіяся исторической части Поученія и Посланія, другими словами въ какой степени важна новая книга для гражданскаго историка, тѣмъ болѣе что въ этомъ направленіи трудъ г. Ивакина не законченъ: вторая его часть будетъ представлять обзоръ жизни и дѣятельности Владиміра Мономаха (см. предисловіе). Что же касается до его примѣчаній къ религіозно-учительнымъ частямъ трудовъ Мономаха, то они безспорно цѣнны. Авторъ усердно и счастливо разыскалъ въ древне-русской и греческой письменности источники, изъ которыхъ черпалъ начитанный русскій князь свои выписки, хотя, какъ замѣтили мы выше, изложилъ это въ разныхъ мѣстахъ своихъ примѣчаній (90—95, 309—311 и др.); удачно описалъ онъ, какъ замѣчено раньше, и нѣкоторыя явленія древняго религіознаго быта на Руси. И все это дѣлаетъ изслѣдованіе г. Ивакина полезнымъ пособіемъ для историка русской литературы и для историка русской церкви.